

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ: ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

Людмила Абрамова. - 1991 - 5 окт.

«Володя мне однажды сказал, что я никогда не относилась к нему как к мужу, а относилась как к старшему сыну. Это, конечно, не совсем правда, но что-то в этом есть. Сейчас, с поправкой на мои пятьдесят лет, я старше Володи. И отношусь к нему сейчас уже как к младшему. Мои дети — уже взрослые мужчины. Скоро они станут Володяными ровесниками. И я не разделяю Володю и детей, я люблю их одним сортом любви. В этом моя ошибка, но в этом и правда».

Эти слова сказаны о Владимире Высоцком Людмилой Абрамовой, которая была женой поэта-певца с 1961 по 1968 год. Актриса — мать двух сыновей Высоцкого, Никиты и Аркадия. Сейчас Людмила Абрамова работает художественным руководителем Дирекции по созданию музея Владимира Высоцкого в Москве. Это сейчас главное событие в ее жизни. А другое — книга о Владимире Высоцком, изданная в Москве. Воспоминания раскрывают образ поэта как любящего мужа, нежного отца, преданного друга. Некоторые страницы из воспоминаний мы предлагаем вниманию читателей.

ФАКТЫ ЕГО БИОГРАФИИ

ЛЮДМИЛА АБРАМОВА
О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ

ного, а то время, когда Володя вообще не пил, — это было очень долго, это была целая жизнь. Хотя если вспомнить хронологически, то получается как раз наоборот...

А потом, когда пришел конец всему, я сразу поняла, что надо уйти. Просто надо собраться с силами и сориентироваться... Я не просто должна была сказать, что буду жить одна, без мужа. Его уже все любили, он уже был Высоцким. Я должна была у всех его отнять. Но если бы я знала раньше все, я бы ушла раньше.

Мы действительно с Володей по-хорошему расстались...

Если Володя в какой-то момент выбрал другую женщину, то это его выбор (речь идет о Марине Влади. — Прим. И. Д.). Его! Не то что женщина вероломно вмешалась, украла, разрушила семью, — Володя выбрал. Его право выбора для меня — это самый главный, святой закон. Я просто хочу, чтобы никому не приходило в голову начинать сравнивать... На кухонном ли уровне или на серьезном решать за нас классические русские вопросы: кто виноват и что нужно было делать?

Потом мы только по телефону говорили. А ребята у него часто бывали. Сами. А я до такой степени привыкла считать детей только своими детьми, что ужасно недооценивала, как им это важно — отец. И в чем-то, наверное, я их слегка обделила. Я считала, что Володя — это моя жизнь... И мне не приходило в голову, что это для них может быть важнее, чем для меня.

Думаю, что Никита по-настоящему успел увидеть Володю как актера. Он и на концерты ездил, и на спектаклях бывал почаще, чем Аркадий. Аркадий тоже ходил, смотрел, но как-то без энтузиазма.

Я думаю, что есть справедливость в том, что ребята чувствуют себя по отношению к Володе не отдельно от своего поколения. Это хорошо. Это скромнее, демократичнее и объективнее, чем если бы они привыкли быть сыновьями великого человека, — ездили бы на его машинах, пользовались бы контрамарками, валютой... И я старалась, чтобы Володя не приносил в дом

слишком много, чтобы его приход не был какой-то материальной манной небесной. И Володя это понимал, никогда на это не обижался.

Как работал Володя над песнями?

Бывало по-разному: зависело от обстоятельств, от состояния. Допустим, когда писал при тысячесвечевой лампочке с Валерой Золотухиным — это одна ситуация. У нас же была совершенно другая. Скажем, в Черемушках по тем временам была идеальная ситуация: двухкомнатная квартира. Но при этом в одной комнате Нина Максимовна и Никита, а в другой — мы вдвоем и Аркаша. Ну как тут сочинять во все горло?! И зачастую Володя, сочиняя песню, держал в руках гитару, не работая правой рукой, а левой только шелестел по струнам. Лады он брал, и движение шелестящих по струне пальцев — вот это единственный был аккомпанемент. Все остальное он себе представлял.

Еще у него была такая привычка: он отстукивал ритм ногой... Если было светло или можно было зажечь свет, он писал карандашом на бумаге, а если нет — на чем попало. В поезде, в дороге почти всегда писал на обложках книг.

Казалось бы, начало шестидесятых годов — такое вре-

мя темное, пустое в Володиной биографии. Но было то, чего не было никогда — ни до, ни после — было свободное время! И была жажда работы — вот он и создавал свой репертуар.

Володины устные рассказы... Страшно интересно было бы найти их записи. Было несколько заготовленных. Скажем, серия рассказов про Серегу и Сережу. Они были в разной степени косноязычны и картавили на разные буквы. А замечательный цикл про умнейшую собаку. Рекс. Этот цикл рассказов относился, по-моему, к отставному милиционеру, у которого и была умнейшая собака Рекс, значительно умнее хозяина... Большая серия рассказов про

Никиту Сергеевича Хрущева. Сказать, что Володя его не любил, было бы неверно, Володя его уважал и очень ценил. Еще Володя был очень хороший имитатор. Он мог абсолютно точно изобразить кого хочешь: большого, маленького, похожего, непохожего, любой национальности, с любым акцентом...

Почему после девяти лет молчания и достаточно уединенной жизни работаю в музее Высоцкого? Потому что это нужно. Нужен музей, и мое послынное участие тоже необходимо. Самое печальное во всей в общем-то оптимистической ситуации с наследием Высоцкого — то обстоятельство, что разобщены его друзья, разбиты на группы люди, которые

занимаются изучением его творчества.

Русский поэт — всегда трагическая фигура. Трагическая по сути своей и драматическая в смысле сложности конфликтов поэта и его окружения: политического, социального, семейного, дружеского. Естественно, что и посмертная судьба долго остается трагической.

Нужно в каждом пробудить чувство боли от этой разобщенности... А если сближения и окончательного примирения не произойдет, то каждый из нас, уходя, будет страдать от того, что мы не успели помириться в этой жизни.

Подготовила
И. ДОБРОТИНА.